

The poster depicts a dramatic scene inside a Gothic cathedral. In the foreground, an elderly man with a white beard and a purple robe (the Bishop) looks intensely at the viewer. Behind him, a young man in a golden tunic (Quasimodo) points upwards. To the left, a man in a dark hooded cloak (Frollo) is seen from behind, and another man (Esmeralda) is visible in the background. The scene is lit with warm, golden light from a torch held by the young man, and cooler, blue light from the bottom of the frame. The architecture features tall, dark stone columns and pointed arches.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Генри Лайон Олди

Сумерки мира

Серия «Бездна Голодных глаз», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144878
Бездна Голодных глаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52075-6

Аннотация

...Стоит в центре арены Бог-Человек-Зверь. Молчат, затаив дыхание, трибуны. Меч и трезубец против власти Права. Время пришло, время бьет в колокола! Содрогается вложенная в мир Пустота. Время пришло; Путь проходит через нас. Предтечи – человек-тигр Оити Мураноскэ, человек-чудовище Сергей, человек-бегун Эдди, человек-дельфин Ринальдо – вехи на последнем пути Человечества. Мы превращаемся...

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

Книга I	4
Тень первая	5
1	5
Срез памяти	13
2	19
Срез памяти	25
3	31
Срез памяти	37
4	41
Срез памяти	48
5	52
Книга I	57
Тень вторая	57
1	57
Срез памяти	66
2	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Генри Лайон Олди

Сумерки мира

Отвага без подвига – забава.

Это дело богов.

Трусость без подвига – забота.

Это дело людское.

Дело героя – подвиг.

Я не знаю для героя другого дела.

Я. Голосовкер. «Сказания о титанах»

Книга I

Сказание об уходящих за ответом

Я лег на сгибе бытия,

На полдороге к бездне...

В. Высоцкий

Тень первая

*Человек, Зверь, Бог.
Сигурд Ярроу, Девятикратный*

1

Так далеко он еще никогда не забирался.

Лес изучающе разглядывал одинокую человеческую фигуру, подмигивая мириадами солнечных бликов, и путник иногда думал о тех трех жизнях, которые у него еще остались, и об их ничтожности перед зеленой шелестящей вечностью... Кроме того, Перевертыши вторые сутки шли по его следу. Это он знал наверняка.

Если глянуть на западные склоны горного массива Ра-Муаз с высоты орлиного полета... Впрочем, что может понадобиться крылатому хозяину перевалов в путанице стволов и лиан, начинавшейся сразу от пограничных форпостов Калорры и тянущейся вплоть до древних рудничных штолен, заброшенных и обвалившихся неведь когда?.. Лети домой, гордая птица, гоняй круторогих архаров с уступа на уступ, купайся в слепящей голубизне – даже твоим всевидящим взором не пробить переплетения крон деревьев, не разглядеть скрытого в вязком, текучем шорохе...

Он устало посмотрел вслед орлу, мелькнувшему в просвете листвы, и поправил сползающий выюк. Потом подумал и ту же затянул перевязь, сдвигая рукоять меча за спиной ближе к правому плечу. Повертел головой, принаравливаясь к новому положению поклажи, поднял и опустил руки – да нет, вроде все в порядке, не давит, не звякает... – и двинулся дальше.

Трава у его ног зашевелилась, и из нее медленно всплыла плоская тупоносая голова на гибкой шее толщиной с мужскую голень. Голова качнулась из стороны в сторону, подрагивая раздвоенным язычком, и настороженно замерла, косясь на поросль молодого бамбука.

– Спокойно, Зу, – сказал человек, прекрасно понимая, что змея его практически не слышит, – не мельтеши... Время твоей охоты еще не пришло. Расслабься...

Его ладонь опустилась на шею удава, чуть пониже тусклого медного ошейника, пальцы еле заметно прошлись по чешуе – но змея и не думала успокаиваться. Трава расступилась, рождая толстые упругие кольца – коричневые с желтым, – и предупреждающее шипение вспоролو пряный аромат летнего леса.

Человек превратился в изваяние и стал ждать.

Между узловатыми стволами возник пятнистый силуэт, еще мгновение – и маленькая лань выскочила на притихшую поляну. Животное вздернуло капризную головку, чутко поводя ноздрями, затем Зу свернулся в страшный узел, гото-

вась к броску...

Лань выгнулась всем телом и растворилась в кустах горного жасмина.

Человек тихо рассмеялся.

– Ночью, – бросил он недовольно шипящему удаву, – ночью будешь охотиться. Понял, Зу? А днем другие дела есть. Так что – пошли...

И снова улыбнулся. Уж больно нелепо прозвучало слово «пошли» по отношению к ловчему удаву Зу, гордости корпуса «гибких копий», семи с лишним шагов в длину – хороших, уверенных шагов, и до восьми совсем чуть-чуть не хватает...

Когда они пересекли поляну, человек обернулся на колышущийся кустарник, где исчезла испуганная лань, и на лице его мелькнула тень беспокойства.

– Нет, – сказал он сам себе, – вряд ли... И зверь неподходящий. Совсем глупый зверь. И хилый. Глухие места, нетронутые...

Он коснулся пояса, на котором висел крохотный инструмент величиной с ладонь, нечто вроде игрушечной арфы с непропорционально толстыми струнами, – и низкий вибрирующий звук поплыл над землей. Рябь травы, выдававшая движение змеиного тела, стала смещаться вправо. Зу безошибочно понял хозяина.

...Спустя несколько часов солнце изранило все тело о ветки деревьев и обрызгало кровью заката ледники вершин –

но человек и змея уже успели выбраться к месту предполагаемой стоянки. Едва перед ними возник ручей, стальным клинком рубящий надвое овальную лошину, удав немедленно скользнул вниз по глинистому склону и лениво поплыл по течению, а человек снял вьюк и спустился к воде, поглядывая по сторонам. Он напился, ополоснул руки и долго смотрел на свое отражение.

Спокойные серые глаза. И неправдоподобно длинные для мужчины ресницы.

Крупный нос с еле заметной горбинкой.

Резко очерченные скулы.

Белесый шрам, вздергивающий верхнюю губу.

Вполне обычное лицо. Если не заглядывать поглубже в серые стоячие омуты. А вот если рискнуть...

Из воды смотрело лицо салара Пятого уровня Сигурда Ярроу, лицо Скользящего в сумерках.

Охотника за Перевертышами.

С глухим проклятием он ударил ладонью по воде, расплескав отражение, и капли воды потекли по щекам, оставляя мокрые бороздки. Он плакал лживой водой затерянного ручья. Он знал, чье лицо разбилось под ударом.

Лицо труса. Человека, видевшего смерть друга и не сделавшего ничего. Ровным счетом – ничего.

То, что он и не мог ничего сделать, не играло никакой роли.

Впервые он пожалел о том, что у него оставалось еще три

жизни.

* * *

...Лань нырнула в кустарник, и пятна ее шкуры перемешались с пятнами веток и листьев, с солнечными бликами... Через некоторое время из кустов вышел мальчик-подросток. На ту же поляну. Вышел и остановился.

Нет, не мальчик. Девушка. С узкими бедрами и твердой маленькой грудью. Она повернулась в ту сторону, куда направился Скользящий в сумерках, – и словно мороз тронул блестящую гладь ее глаз. Вот уже хрупкая ледяная корка сковала края озера, еще немного...

Пальцы рук девушки сжались в плотные кулачки, так напоминающие копытца лани. Она еще немножко постояла, переступая с ноги на ногу, потом прыгнула в заросли...

И лес принял ее в себя.

* * *

Ночь прошла на удивление спокойно. Пару раз Сигурд просыпался, вслушиваясь в темноту – его будил короткий, хрипящий всхлип четвероногих неудачников, – и на рассвете Зу приполз сытый, благодушный и немедленно свернулся в клубок, рассчитывая подремать в холодке.

Его хозяин обошелся половиной черствой лепешки с сыром, затем распаковал выюк и достал точильный брусок.

Сигурд собирался править заточку Оружия.

С большой буквы.

Собственно, уже с Третьего уровня понятие «оружие» порядком расплывалось, а для сalara верхних ступеней оружием было все. Пояс от туники. Подобранный камень. Ветка. Локоть. Палец.

Сигурд вспомнил, как он и еще тройка «почек», гордых серыми форменными плащами, заявили на бахчу к наставнику Фарамарзу и попросили – да нет, потребовали сократить часы занятий с каменным ядром за счет увеличения объема секирного боя. И в тот день подтвердились все легенды о дурном характере наставника Фарамарза.

Тощий, костлявый Внук Богов – так именовались учителя на официальных встречах – погнал Сигурда в оружейную за топорами, заставил учеников вооружиться, а потом избил всех четверых, тщетно машущих своими секирами, избил собранными им дынями и арбузами.

С тех пор Сигурд терпеть не мог поздних фарсальских дынь с шершавой твердой кожурой и липкой жижей в середине.

Но Оружие... Тот же Фарамарз мог часами распространяться о форме и балансе древних мечей, ходя вокруг найденного в развалах клинка и облизываясь, как Зу при виде молока. Он сам подбирал мечи для своих выпускников,

не доверяя никому, да и самим выпускникам в том числе, – кстати, он так ни разу и не ошибся в выборе. А Оружие для самого Ярроу наставник позаимствовал из личной коллекции – это уже после VII летних экзаменов – и очень обиделся, когда пунцовый Сигурд стал мямлить и отказываться.

Знал старый Внук Богов правду рукояти меча. Знал правду рук учеников своих. Умело вкладывал одно в другое.

Оружие. Узкое, чуть выгнутое лезвие синей стали. Два локтя от скоса острия до овальной гарды. Рукоять вполклинка, продолжающая общий изгиб. Обтяжка – из кожи неведомого морского зверя, шершавой, как наждак. Не скользила такая рукоять в умелой ладони, и рубил меч бронзу без зубрин и воздух – без свиста.

Фехтовать им было нельзя. Не для того предназначался.

Оружие. Брат Скользящего в сумерках.

...Сигурд сдул с клинка невидимые пылинки, протер меч до глянцевого блеска специально припасенной ветошью и опустил оружие в ножны. Потом спрятал брусок и покосился на притихшего удава.

– Подъем, Зу! Если до завтрашнего вечера мы не отыщем Пенаты Вечных – или как они там еще зовутся? – нами непременно кто-нибудь отобедает. Или отужинает. Поползли, приятель, спросим Отцов о неизвестном...

Удав просунул голову сквозь немислимый узел собственных колец, задумчиво пожевал нижней челюстью и спрятался обратно.

– Лентяй, – грустно заметил Сигурд. – Лентяй и обжора. Гнилой жирный канат...

Ответа не последовало.

Тогда Скользящий в сумерках сделал шаг к своему спутнику, пошарил по траве и изо всех сил дернул Зу за кончик хвоста. Через мгновение он уже напрягал все тело, сдерживая неистовый напор обвившегося вокруг него удава, а тот громко шипел и мотал головой у самого лица салара.

Это была их обычная игра. Один раз из дюжины Ярроу успевал отпрыгнуть до броска, один из семи – ухитрялся высвободить руку и ухватить Зу за горло, один из трех – пытался вытерпеть ту вечность, после которой удовлетворенная змея сменяла гнев на милость и ослабляла хватку.

В тех случаях, когда человек выигрывал, Зу немедленно обвисал, шлепался на землю и подставлял свою белесую шею под самую челюстью – чесать. В остальных же он гордо отползал в сторону и ждал вкусенького. Тем более что в поклаже Сигурда всегда находилось несколько древесных лягушек-ревунов или фляжка кислого молока.

Свежее молоко Зу не любил. И сливки не любил. Он вообще мало что любил. А хозяину удав скорее покровительствовал.

Во всяком случае, так иногда казалось самому Ярроу.

Салару все-таки удалось вырвать левую руку из мертвых тисков змеи, но он не стал поддерживать игру и просто похлопал Зу по морде.

– Не время сейчас, – сказал Сигурд, и на какое-то мгновение ему примерещилось, что удав внимательно следит за движением человеческих губ. – Уходить надо. Пенаты Вечных дожидаться не станут. Вопросы, Зу, вопросы сводят мне скулы и жгут гортань – а ответы на них неизвестно где... Да и есть ли они, ответы на мои вопросы?..

...Раздвинув листья гигантского папоротника, хрупкая, грациозная лань следила за удалявшимся человеком, за лентой извивающейся травы у его ног, и в выпуклых глазах лани, в их темной глубине, стыл лед – мертвый, обжигающий лед, придающий лани сходство с каменными полузверьками-полуженщинами древних барельефов.

А Сигурд уходил, не оборачиваясь, и, пока тело его двигалось в отработанном неутомимом ритме, он снова и снова касался своей памяти острым ножом боли и бессилия, делая тончайшие срезы, обнажая забытые пласты, рассматривая ушедшее время, ища крупинцы ответов на безнадежные вопросы...

Срез памяти

Калорра. Город, где не любят героев

Сигурду – шестнадцать. Он совсем недавно вышел на Вторую ступень и теперь ужасно гордится серым широким плащом с серебряной пряжкой на плече. Он – салар зарослей. Сверстник и друг Брайан Ойгла соперничает с ним в зади-

рании носа и суровых мужских манерах. Остальные Скользящие в сумерках здороваются с ними за руку, и сам наставник Фарамарз берет их с собой в Калорру в качестве сопровождающих – правда, предварительно отобрав бичи и даже бронзовый серп Брайана.

В город с оружием не ходят. В городе живут люди. Не к лицу потомку богов, Деятикратно живущему, носить то, чем отнимают жизнь, в присутствии тех, у кого жизнь – единственная и последняя.

Иное дело – салары. Герои. Деятикратные. Щит между городом и лесом. Совсем иное дело. Сигурд все понимает. Он горд и счастлив. Сегодня он идет в Калорру. Единственное, что смущает юного героя, – он не понимает, зачем наставнику Фарамарзу нужны сопровождающие?! Он пытался представить кого-нибудь, от кого надо было бы охранять Внука Богов, но воображение отказывает, и он бросает это глупое занятие. Берет – значит надо.

Брайан Ойгла того же мнения.

В детстве Сигурду доводилось несколько раз бывать в Калорре с родителями, и, хотя воспоминаний почти не сохранилось, ему все равно кажется, что город за это время усох, одряхлел и съезжился. Как осенний лист.

Дважды им приходилось идти через совершенно заброшенные кварталы. Горячий ветер хлопал полуоторванными ставнями, перемешивал пыль в поросших бурьяном переулках, и тощие суслики при виде людей спешили укрыться в

тени.

Потом стали попадаться редкие прохожие, а ближе к центру уже возникла характерная городская толчея.

Сигурда неприятно поразили хмурые лица и сутулые спины горожан. Даже молодые женщины были красивы какой-то нездоровой, порочной красотой – и это одновременно возбуждало и отпугивало юного салара. В их пограничных селениях тоже зачастую было не до улыбок, но атмосфера все равно казалась совсем другой.

Чище, что ли...

Похоже, Брайан думал о том же самом. А на невозмутимом лице наставника Фарамарза застыла на удивление вежливая улыбка. И все равно их обходили и спешили удалиться. Город отторгал их, как плоть противится неизбежному ножу знахаря.

У дворца Вершителей они остановились, и Фарамарз велел ждать его у ступеней и никуда не отлучаться. Сам же прошел по полированному мрамору лестницы и скрылся в огромных дверях, окованных бронзой. Когда створки захлопнулись, до юношей донесся низкий удар гонга.

Аудиенция началась.

Поначалу они стояли, замерев в неподвижности, как может замереть только Скользящий в сумерках, и с любопытством разглядывали шумящую площадь, а площадь разглядывала их, но салары этого не замечали. Спустя два часа их внимание привлекла небольшая толпа у забора в дальнем

конце площади. Не сговариваясь, они переглянулись, потом посмотрели на запертые двери дворца и двинулись к людям.

...Трое бородачей с одинаковыми заросшими физиономиями и в одинаково грязных лохмотьях прижали к доскам забора четвертого и уныло толкали его в грудь и рот. Прижатый кричал, охал и грустно глядел перед собой.

– Чего это они? – спросил Брайан Ойгла у полной молодой торговки, радостно взвизгивавшей при каждом тычке.

– Дерутся, – возбужденно сообщила та, не отрываясь от происходящего. – Счеты сводят. Говорят, Плешивый Фэн на чужую мазу забрался... Ох и парни!..

И бусы на ее высокой груди снова зазвенели, подпрыгивая в такт визгу.

Сигурд не понял ее слов. Он никогда еще не дрался. Дерутся звери – и то детеныши. Салары не дерутся. Они охотятся за Перевертышами. И Перевертыши не дерутся. Убивают – да. И их убивают. А драться...

Он не мог понять этого слова. Оно было скучным, грязным и бестолковым. Как люди у забора.

Один из бородачей вытащил нож. Нож был кривой, тупой и неудобный. Брайан вздохнул, протолкался вперед и пошел к дерущимся.

– Это плохой ножик, – сказал Ойгла, беря человека с ножом за руку. – И вы все ничуть не лучше. Перестаньте сейчас же. Стыдно...

Казалось, бородача сейчас хватит удар. Он судорожно

плотнул воздух, пространство между волосами и крохотными глазками налилось кровью, и он уставился на маленького Ойглу, словно впервые видел живого человека.

Потом он заметил серый плащ на плечах Брайана и с шумом выдохнул, расхохотавшись.

– Герой, – протянул, отдышавшись, бородач. – Слава наша и защита... Бесовское отродье... Ножик, говоришь, не нравится?!

Сигурду часто снилась потом та пауза, которая повисла в воздухе после этих слов, – и каждый раз ему казалось, что он стоит голый посреди притихшей площади, а нелюдские хари брезгливо морщат носы и принюхиваются к нему.

Бородач вырвал руку, ткнул ножом в грудь Ойглы и очень удивился, промахнувшись. Ткнул еще раз. И еще. Сопящие, неловкие люди пинали странно скользкого мальчишку – причем сам избиваемый до того горожанин усердствовал более остальных, – а Брайан машинально пританцовывал, не глядя ни на кого конкретно, и руки его уже нашаривали у пояса отобранный серп, не нашли и стали сжиматься в кулаки...

– Извините его, господа, – прозвучал над ухом Сигурда тихий знакомый голос.

И все остановилось.

Наставник Фарамарз поклонился собравшимся, еще раз извинился, взял нахохлившегося Ойглу за плечо и повел прочь. Сигурд стряхнул со своей спины липкие горячие пальцы давешней торговли и потащился следом. Толпа пе-

решептывалась, провожая их взглядами, и женщины помоложе подмигивали друг другу, причмокивая губами.

... Уже за городом Ойгла наконец заговорил:

– За что они, учитель?

Злые слезы душили юношу.

– За что? – Фарамарз помолчал. – За что пума ненавидит кугуара больше иных зверей? За то, что они похожи, но разные. Какую пряжку ты носил на Первом уровне, салар Ойгла?

– Золотую, учитель.

– А сейчас, на Втором?

– Серебряную, учитель.

– Правильно... А Третий уровень носит бронзу. А я – наставник, Седьмой уровень, – ношу железную пряжку. Золотой век давно кончился, салары. Или даже и не начинался. И серебряный. Боги навсегда ушли в Пенаты Вечных, и лишь старейшины саларов – Сыны Богов – знают дорогу туда. Возможно, и я вскоре узнаю... Железный век, мальчишки, железный, ржавый... И если мы – Скользящие в сумерках, синяя сталь века, Деятикратные – не закроем своими жизнями людей Калорры, то они уйдут раньше назначенного срока. Уйдут раз и навсегда. И не все ли равно тогда – хороши они были или плохи? Наш ствол, наш корень по материнской линии...

– Ну и что? – недоуменно спросил Сигурд. – Я уже два раза уходил. Болел в детстве... потом пардус рвал... И каж-

дый раз возвращался.

– Верно, – сказал наставник Фарамарз, грустно улыбаясь, – ты уходил два раза. Брайан – три. А я – шесть. Так что простим людей Калорры – уходящих один раз. Не нам, Девятикратным, судить их...

Сигурд кивнул. Он уже простил людей. Только вот почему бородач назвал их – потомков богов – бесовским отродьем?! Разве их предки – бесы?..

Бесы... Бессмертные боги? Безумные боги? Бессмысленные? Бесполезные? Какие?..

2

...Он гнал ее уже больше двух часов. Она допустила ошибку. Всего одну, но непростительную. В полной уверенности, что падающее дерево непременно раздавит человека, она выглянула из-за веток, и человек встретился взглядом с ликующими глазами лани.

А дерево рухнуло напрасно.

Перевертыш. Не та тварь, не та повадка, но глаза – те. И он прыгнул вслед за убегающим зверем. Больше не было леса и Сигурда Ярроу.

Были сумерки и Скользящий в сумерках.

Его время. Его дело.

Нужное состояние пришло само собой. Когда ты просачиваешься сквозь время и пространство, сквозь лопающиеся

лианы и тонкие стволы бамбука, а лес обнимает тебя, и корни послушно ложатся под ноги, и хлещущие ветки стряхивают на разгоряченное лицо вечернюю росу... Когда перестаешь видеть, перестаешь слышать, понимать и оценивать, но начинаешь ощущать и чувствовать. Чувствовать направление гона, его азарт и ритм, ощущать панику ослепшей жертвы, безошибочно выбирая дорогу – именно туда, куда надо тебе и не надо ей. Срезая углы, не давая опомниться, тенью скользя в застывших сумерках...

Он гнал ее уже больше двух часов. И лань стала задыхаться.

Зу с самого начала взял гораздо левее, и Сигурд не знал, где сейчас находится удав, но и не очень-то задумывался над этим. Он успел лишь прикрепить к ошейнику змеи свинцовую каплю наголовника – с таким украшением Зу в броске пробивал двойную кирпичную кладку, так что ловчий удав вполне способен был сам о себе позаботиться. Лишь бы он не достал Перевертыша раньше Ярроу... Выучка выучкой, а слабость крупных змей к детенышам копытных...

Сигурд остановился шагах в десяти от обрыва и внимательно посмотрел на девушку, стоящую у края. Одежды на ней не было, но она держалась с естественностью, заменявшей цивилизованность.

Во всяком случае, цивилизованность в представлении людей Калорры. И саларов.

Девушка тяжело дышала, захлебываясь сиреневым возду-

хом и успокаивая его прохладой воспаленные легкие; руки ее тряслись. Бегство растопило ледышки темных глаз, и теперь в них метались страх, ненависть, ожидание... и что-то еще, незнакомое, мешавшее салару сразу нанести удар.

Он сбросил вьюк на землю и ослабил защелку ножен. Не отрываясь от хрупкой фигурки над обрывом. Потом сел, скрестив ноги, снял меч и положил его перед собой.

Она не двигалась. Скользящий в сумерках молчал, полуприкрыв глаза, но девушка-лань прекрасно понимала всю обманчивость его неподвижности.

Она не знала, что Сигурд Ярроу, салар Пятого уровня, охотник за Перевертышами, еще ни разу не убивал оборотней просто так. Безнаказанно.

Только в бою. Ярость за ярость.

Но ярость за слабость?..

Девушка не выдержала первой:

– Я – Оркнейская лань.

Сигурд молчал.

– Назови свое имя, Серый Убийца, Бич Судьбы!.. Я хочу знать его, прежде чем забыть все...

«Я не убийца», – хотел сказать Сигурд, но сдержался. Ответил только:

– Я не хочу носить на своем имени твое предсмертное проклятие...

Оркнейская лань отошла от обрыва. Но всего на один шаг.

– Этот лес не знал войны, Десятикратный. В здешних ме-

стах нет людских поселений, и охотничьи уголья моих братьев лежат гораздо ниже предгорий Муаз-Тай... Люди, которых ты защищаешь, далеко. Может быть, твой меч освободит мою дорогу?..

Она говорила легко и быстро, с едва уловимым акцентом. Сигурд смотрел на девушку, и в глазах его была насмешка и тень от падающего дерева.

Она сделала еще шаг.

– Почему именно ты? – спросил Ярроу. И она поняла смысл вопроса.

– Я – урод. Я – карлик. Твоей головой я купила бы имя и гордость.

«Карлик, – подумал Ярроу, – слишком маленький зверь внутри человека. Ущербная половина Перевертыша. Я не знал, что так бывает...»

Она подошла совсем близко.

– У тебя много жизней, зарплата. Я хотела взять одну. Я думала, что...

Она присела перед ним на корточки и положила руки ему на плечи. И наступила на меч. Совсем незаметно.

Оружие. Брат Скользящего в сумерках.

...Сигурд отшвырнул девушку и вскочил на ноги. В то же мгновение лес выплюнул двух рычащих пум, и грязно-желтые кошки взвились в воздух.

Время остановилось. Скользящий в сумерках плыл в его густом, вязком потоке, всем телом вписываясь в кривизну

выхватившего меча, и первый Перевертыш боком налетел на мерцающее колесо с ободом из синей стали, захлебнулся рыком и обрушился в кусты, сминая ветки, заливая их дорогим пурпуром...

Второй изогнулся в прыжке, уходя от повторного взмаха, и тогда из кроны старого ясеня в зверя ударила шипящая молния.

Ударила, смяла и вздувшейся петлей охватила туловище пумы, бьющейся в смертной агонии. Гордость «гибких копий», дождавшийся своего часа ловчий удав Зу давал хозяину паузу на вдох...

А хозяин стоял и не мог опустить меча. В ноги ему кинулась маленькая лань – неумело, по-женски, глупо! – и сама же не устояла, упала перед ним на колени, а за ее спиной из пущи выходил яростно сопящий вепрь, уже набравший разгон и не способный остановиться...

«Назови мне свое имя, Серый Убийца, Бич Судьбы!.. Я хочу знать его, прежде чем забыть все...»

– Яр-роу!..

С глухим ревом Сигурд выхватил Оркнейскую лань из-под копыт налетевшего вепря и, уже смятый чудовищной тяжестью, успел вслепую полоснуть мечом – наугад, как мог, и еще раз...

Сумерки кончились. Настала ночь.

...Человек, похожий на вепря, стоял и смотрел на полураздавленное тело салара. Зу обвился вокруг хозяина и угро-

жающе шипел. Но человек-вепрь и не думал подходить. Рука его была полуотрублена, и по предплечью текла кровь, быстро густея и сворачиваясь.

Пумы-Перевертыши лежали поодаль. На них смотреть было уже незачем.

Девушка сидела на земле. Губы ее тряслись.

– Завтра утром он встанет, – с трудом проговорила она. – У него есть еще две жизни. Отбери у него оружие, Лидон, и через два дня...

Человек-вепрь баюкал раненую руку.

– Я не должен был вмешиваться, Оркнейя. – Голос его оказался низким и глубоким. – Тварьцы послали на охоту вас – молодых, а вы загнали его в запретный район, и если бы не я...

– Ты боишься змеи! – Девушка обидно рассмеялась и захлопала в ладоши. – Скажи честно, Лидон, боишься?!

Лидон повернулся и скрылся в зарослях. Зу тут же стал сворачиваться в кольца, но силуэт девушки заколебался, поплыл...

И только копытца простучали в темноте.

Зу снова обвился вокруг Сигурда и стал ждать.

У Сигурда Ярроу оставалось еще две жизни.

Много?.. Мало?..

Зу не задумывался над этим. Он просто ждал.

Срез памяти

Дорога, которая просто так

Сигурду – двадцать четыре. У него мягкая вьющаяся бородка и прямые волосы цвета палого листа. Жесткие и длинные. Волосы у него в маму... Зачем ты ушла в последний раз, мама?! Ты же знаешь, отец так и не привык жить без тебя, не смог привыкнуть, – зато он привык к горечи настойки Красного корня, и тебе, мама, не пришлось долго ждать его там...

Сигурд хорошо знает, что означает это слово «там». Но он никому не расскажет об этом. Когда обрываются в бездну сумерки сalara – приходит ночь, ночь без сновидений, и спустя вечность... А потом ты встаешь, щурясь навстречу восходящему солнцу, и новый браслет, выжженный на твоей руке новой жизнью, зудит и чешется, как новая кожа. Пять таких браслетов успел надеть лес Сигурду Ярроу, от запястья до локтя, и когда на руке Девятикратного не останется больше места...

Рассвет не придет за ним. Он пройдет мимо.

Мать и отец тоже были Девятикратными, они исчерпали до дна запас своих жизней, но они не были сalaraми. Сигурд давно уже понял, что все сalaraы – потомки богов, но не все потомки богов – сalaraы.

О Вечные Отцы, ушедшие по неизвестной дороге, что это – награда или насмешка?! – тот обрывок вечности, который

оставили вы в наследство детям своим?..

– Ярроу!..

Это кричит за забором нетерпеливый Брайан Ойгла, и вся Вайнганга прислушивается к его пронзительному голосу.

Здесь, в Вайнганге, поселке на северо-востоке Калорры, вообще всего четверо саларов. Он, Сигурд Ярроу, потом низкорослый молчун Исхий Гоур, его брат-близнец Линкей и Брайан Ойгла. Брайан с лета отпустил рыжие усы щеточкой и очень обижается, когда Сигурд сравнивает его с травяным жуком-долбунцом. Правда, все они успели выйти на Четвертый уровень, а местность вокруг Вайнганги издавна считалась более или менее сносной. Такие поселения кольцом окружают Калорру – город людей, боящихся нос высунуть за крепостные стены, – и из них течет в город пересыхающая река продовольствия, сырца для тканей...

Девятикратные держат лес, и в каждом поселке живет необходимое число Скользящих в сумерках. Так что работы хватает, тем более что жители Вайнганги в основном земледельцы, а не охотники. Многие даже скотину имеют, хотя Перевертышам забор – не преграда, а засов – не помеха. В общем, свое молоко с просяной лепешкой молодые салары отработывают честно, и уже три новых семьи сами напросились на переезд в Вайнгангу. Пусть едут – лес выжгут, земля будет, на всех хватит...

Нет. На всех не хватит. Слишком много добычи уходит в город, а Калорре все мало. Вот странно – ведь знающие

люди говорят, что населения в Калорре все меньше и меньше, бабы рожать не хотят, а кто помоложе да поприсяжней – к Девятикратным бегут, чтоб хоть у сына шанс был пожить подольше...

Шут их, этих людей, знает, темное дело... Боги ушли, теперь люди уходят – кто останется?

Мы да Перевертыши?!

– Ярроу!.. Тварец тебя заведи! Ты идешь или нет?!

– Иду! – кричит Сигурд, высовываясь в окно и показывая сердитому Ойгле кулак – чтоб не орал зря. Потом оправляет пояс рубахи и берется за плащ. Серый плащ салара.

Изредка в Вайнгангу наезжает наставник Фарамарз – и горе тому нерадивому салару, чей плащ не заштопан, а ловчий удав похудел и осунулся! Сигурд улыбается... Его Зу на аппетит не жалуется, ест за троих, а на учениях они уступили лишь Ойгле с его толстым одноглазым Асуром – да и то последний удар был явно спорным!..

Наставник Фарамарз теперь – Сын Богов. Он стал им совсем недавно и сразу исчез почти на полгода – ходил в Пенаты Вечных на встречу с Отцами. Вернулся наставник хмурый, часто замолкал, подолгу глядя в одну точку, и приходилось ждать, пока Фарамарз закончит неслышный для других разговор.

Сейчас Фарамарз в Вайнганге, и Сигурд договорился с Ойглой, только что вернувшимся с недавнего лесного дежурства, идти к учителю в гости.

Сигурд распахнул дверь и шагнул на улицу.

– Сигри, чтоб ты жил сто лет!.. Я уже отупел, как пень, стоя у тебя под окнами! В следующий раз я пошлю за тобой Асура, но пять дней перед тем не буду его кормить...

Вся Вайнганга знала Ойглу – болтуна и насмешника, вспыльчивого и влюбчивого, и только Сигурд знал сalara Брайана – идущего по следу Перевертышей в молчании и ярости. Знал и смеялся, видя сочувственные лица соседей, глядящих вслед, когда они с Брайаном шли на совместные дежурства.

Собственно, у Ярроу не было выбора – братья Исхий и Линкей не разлучались даже ночью, отчего оба были холостыми, – но он и не хотел выбора.

– Брось ворчать, Брай... И если я еще раз узнаю, что ты пытался прикармливать Зу...

До дома, где остановился Фарамарз, было не больше получаса ходу – и то не спеша, в охотку. За это время Брайан успел рассказать Ярроу о своей находке за пределами их участка. Отчетливый след завел Ойглу почти к самым предгорьям, и там Брайан нашел дорогу.

– Ты представляешь, Сигри, – дорога! Вся кирпичом вымощена – я такой кирпич в Калорре видел, и стоял он дорожке земли под застройку! – только пошире чуток и не красный, а грязно-белый... А по бокам пара столбиков сохранилась, на одном «35» написано, а чего тридцать пять – неизвестно!..

– Тридцать пять локтей гречневой лапши, которую ты сей-

час вешаешь на мои бедные уши... Помилосердствуй, Брай, какая дорога? Откуда?! Из Вайнганги? Из Калорры? Да эти горожане скорее ноги себе отрежут, чем в лес сунутся! И куда – в горы?!

– Вот и я ж говорю – странная дорога, неправильная... Ни начала, ни конца. Я по ней день почти шел, а у Муаз-Тая оборвалась, и все... Снова лес. И Асур шипит, башкой мотает и норовит обратно ползти...

– Ладно, – сказал Сигурд, останавливаясь у дома Фарамарза. – Расскажешь наставнику, пусть у него голова болит.

Сам Ярроу никак не мог понять воображения Брайана. Ну, дорога... мало ли... Не Перевертыши же ее строили, в самом деле! Кирпич разве что в Калорру свезти, на продажу?.. Так далеко...

...Фарамарз внимательно выслушал сбивчивый рассказ Ойглы про дорогу из ниоткуда в никуда, но Сигурд никак не мог отделаться от ощущения, что мысли наставника сейчас заняты совсем другим – но каким-то образом имеют отношение и к найденной дороге.

Брайан перевел дух и вопросительно поглядел на наставника.

– Это рудничная дорога, – нехотя сказал Фарамарз, тщательно подбирая каждое слово. – От Калорры до старых штолен и мраморных каменоломен... Вернее, ее остатки... Когда караваны из Согда переваливали через хребет, они тоже по ней ходили.

– Караваны? – заинтересовался Сигурд. – Какие такие караваны? Долго ходили?..

– Да уж долго... С той стороны Ра-Муаз пустыня лежит, два-три оазиса и песок, – так через Великий Масличный перегон – на верблюдах, а после уже – на лошадях выючных... Много лошадей с грузом. И люди. Купцы...

Сигурд расхохотался и с трудом сумел успокоиться и связно объяснить нахмурившемуся Фарамарзу причину столь неуместного веселья.

– Купцы... Глупцы! Это с грузом-то по лесу? Да у них в первую же ночь Перевертыши всех лошадей сожрут!.. А во вторую – купцами закусят. Для такого каравана и сорока саларов не хватит – охранять! Караван... Ни один Скользящий в сумерках не возьмется...

– А их и не было тогда, – тихо сказал Фарамарз, отворачиваясь. – Вернее, нас не было...

– Кого – нас?

– Саларов. И вообще Девятикратных.

– А Перевертыши?

– И их не было. Совсем.

– А кто был?

– Люди. Люди и бесы. И...

Фарамарз осекся и закашлялся.

– Я хотел сказать: люди и боги, – сдавленно поправился он. – Отцы...

И тут он взорвался. Он неожиданно оказался совсем близ-

ко к Брайану, его костлявые клешни впились в рубаху Ойглы, и тот затрепыхался в руках старика, как свежепойманная рыбешка.

Сигурд вздрогнул. Ему казалось, что он неплохо изучил Фарамарза за годы учения...

Но такого Фарамарза он не знал.

– Что ж ты, подлец, делаешь! – хрипел Сын Богов, и лицо его было багровым, чужим и незнакомым. – Ты зачем ходишь, где не велено?! Участка мало? Мало, да?! Шею сломаешь – плевать, так ведь другие за тобой полезут... Пенаты Вечных искать... Вот они где у меня, Пенаты ваши! Нельзя же так, нельзя, во имя неба!.. Мы же люди, мы все люди, и горожане, и салары, и Перевертыши... за что?! За что?! Сколько же можно за чужую вечность расплачиваться?!

Он резко умолк и сразу стал очень старым и совсем нестрашным.

– Простите, мальчики, – прошептал наставник Фарамарз. – Нет, уже не мальчики. Салары... Скользящие в сумерках... Все равно простите... Полубоги, они ведь тоже – полулюди... ни то ни се...

3

Пробуждение оказалось не из приятных. Все небо было обложено серыми лохматыми тучами, они цеплялись брюхом за макушки деревьев и утробно рычали, негодуя на ко-

любие ветки. Струи ливня хлестали по земле, словно и не замечая отяжелевшей листвы, и измочаленная земля давно уже превратилась в липкое, полужидкое месиво.

Новая жизнь была похожа на старую. Разве что старая последние три дня обходилась без дождя.

Он брел, спотыкаясь, по краю обрыва, а тот становился все более пологим, и Зу тихо месил грязь рядом и чуть позади, а потом был берег узкой речушки и пена в лицо, и он смазывал рваные раны Зу жеваными листьями ойлоххо, отчего удав шипел и извивался... И снова дождь, грязь, и никакого солнца, и шаги, дающиеся с трудом, и осыпи мелких камней, и корни, цепляющиеся за склоны, и он сам, цепляющийся за корни...

А вокруг было утро, похожее на вечер.

И дождь... Дождь, серый, как его промокший плащ.

Река каким-то странным образом делила мир на две части. По одну сторону ее – ту, где были человек и змея, – тянулся лес, уже изрядно поредевший, с трудом удерживающийся на крутизне, но все же лес, зелень, деревья... Другой берег топорщился каменной крошкой, матово блестящими валунами, и все это резко переходило в скалы – сразу, без паузы, и ливень разбивался об их острые грани, тщетно пытаясь отколоть от мощных сумрачных бастионов хоть кусочек на память.

Дважды Сигурд подходил к реке вплотную, завидев намек на брод, и дважды удав категорически отказывался пе-

реправляться. На третий раз Сигурд решил, что Зу просто не хочет лезть в воду, хотя это было глупо – при таком-то водопаде с неба! – и предложил перетащить змею на плечах. Зу отполз в сторонку, долго смотрел на тот берег, потом виновато глянул на хозяина...

Сигурд втайне даже был рад отказу удава. Когда-то, поспорив с могучим Исхием Гоуром на кривой метательный нож, он связал лапы ручному пардусу, взвалил зверя на загривок и трижды обежал вокруг Вайнганги, пока Исхий делал к ножу новую рукоять. Но, подняв Зу, Ярроу мог только идти, горбясь и опустив голову, – да и то медленным шагом.

Они двинулись дальше, но через мгновение Сигурд прыгнул к одинокому дереву, укрываясь за его шершавым стволом, а Зу метнулся по стволу вверх, исчезая в кроне...

Потом хвост удава осторожно обвился вокруг талии Ярроу. Сигурд напрягся, последовал рывок, и салар уже лежал на толстой ветви, ожидая, пока удав обовьет его своим телом, маскируя силуэт Скользящего в сумерках.

По склону спускался человек. Он был дряхл. Он шел очень осторожно, прощупывая землю перед собой концом изогнутого посоха. Ноги человека скользили на раскисшей глине, и он два раза упал. Вставал человек долго, с трудом разгибаясь и нашаривая в траве свой посох. Трава липла к рукам...

Человек наконец вышел на ровное место, поднял голову к мутному небу; ветер трепал его редкие волосы, пегие от

седины и грязи...

Это был Тварец. Сигурд никогда раньше не видел Тварьцев, но ошибиться он не мог.

Тварец. Сын Большой Твари.

В среде саларов о Тварьцах говорили разное. Молодежь со всей самоуверенностью юности утверждала, что все это – легенды и рассказы выживших из ума старейшин. Салары постарше – особенно те, кому якобы доводилось видеть Тварьцев, – считали Сыновей Большой Твари чем-то вроде патриархов среди Перевертышей. Наставники – Сыновья и Внуки Богов – обсуждать эту тему отказывались, не поддаваясь ни на какие уговоры. Возникла даже проблема: с какой буквы пишутся «тварьцы» – с большой или маленькой?

Писали по-разному. Но чаще с большой.

Тем не менее поднять руку на Тварьца или Тварицу – кем бы они ни были – считалось делом постыдным и недостойным Скользящего в сумерках.

Во-первых, те никогда не сопротивлялись – по утверждениям «очевидцев». Во-вторых, не было случая, чтобы сами Тварьцы причиняли поселенцам какой-нибудь вред, в отличие от Перевертышей. В-третьих, были ли они на самом деле, и если были – то кем?!

Во всяком случае, в зверином обличье их не видел никто. Только в людском. Про салара, чьи глаза становились пустыми и тусклыми, а язык забывал произносить слова, говорили: «Он убил Тварьца».

...Тварец подошел к дереву, сел прямо в грязь и прислонился спиной к стволу. Он не отрываясь смотрел на другой берег речушки, и капли дождя стекали по его морщинистому лицу.

Потом Сигурд понял, что дождь уже кончился. И это был не дождь.

По склону спускались люди. Нет, не люди. Перевертыши. Сигурд узнал Оркнейскую лань, остальные были незнакомыми, кроме коренастого угрюмого крепыша с пронзительными глазками, блестевшими из-под мощных надбровных дуг.

Салар не мог ошибиться и в этом случае. Девятикратный не мог не узнать причину своей смерти. И Зу тихо шевельнулся, глядя на человека-вепря, подошедшего к дереву первым.

Все Перевертыши сохраняли людское обличье. Кроме того, листва была достаточно густой и мокрой, и Сигурд видел в этом свой шанс. От звериного нюха он бы не укрылся.

– Я не смог отговорить их, – грустно сказал человек-вепрь. – Оркнейя убеждает лучше меня. Извини, Эхион...

– Ничего, – бесцветно ответил Тварец Эхион. – Я и не рассчитывал, Лидон, что тебе удастся такое... Говорить – не твоя стихия.

Остальные Перевертыши к дереву не подошли. Они спустились прямо к реке и тесной группой встали на берегу. Сигурд видел, как Оркнейская лань подбивает на что-то гиб-

кого, высокого мужчину в желтой набедренной повязке. Девушка активно жестикулировала, и мужчина, похоже, с ней соглашался. Потом он махнул рукой – и Перевертыши двинулись через брод.

– Они ушли в запретный район, – тем же тоном произнес Эхион. – Они нарушили границу с Отцами... И будут прокляты. Это в лучшем случае...

«Отцами-и-и...» – эхом отдалось в голове Сигурда. Отцы. Пенаты Вечных. Запретный район...

– Да, – сказал вебрь Лидон. – Ты же знаешь этих взбалмошных кошек, Эхион!.. Тем более что сатар успел прикончить парочку из их клана. Они теперь не успокоятся, пока не уложат его в последний раз. И с ними Оркнейя. Эта маленькая дрянь... Она сказала, что они перейдут границу, не выпуская Зверя и не меняя облика, лишь из уважения к твоей дряхлости...

– Плевать я хотел на их уважение, – процедил Эхион, и Сигурд вздрогнул, ощутив страшный холод этого голоса. – Зверь во мне достаточно молод, чтобы все они пожалели о своих словах... Но он никогда не выйдет на волю. Ни к чему и не вовремя... Нельзя снимать цепи с ужаса прошлого. Настолько прошлого, что... нет, нельзя. Я умру человеком. А теперь уходи, Лидон... Ты был моим лучшим учеником. И помни: опасно быть зверее зверя.

Лидон еще немного постоял, потом резко повернулся и пошел прочь. Споткнулся. Побежал. И вот уже матерый

вепрь-секач растворился в брызжущей поросли...

...К вечеру похолодало. Сигурд спустился с дерева, обошел недвижимое мертвое тело Тварьца Эхиона и вынул меч.

Земля поддавалась легко. Могила оказалась чуть большей, чем надо, и Сигурд навалил сверху несколько крупных камней.

Получился холм. Совсем крохотный холм.

Потом салар перешел реку чуть выше по течению. И на этот раз Зу не сопротивлялся.

Срез памяти

Узор ночного тумана

Сигурду – тридцать. Он по-прежнему живет в Вайнганге, но последний год он и Брайан Ойгла избавлены от необходимости лесных дежурств. На их место присланы новые салары. Семь человек в дополнение к братьям Гоурам – потому что Вайнганга разрослась, уплатив за это дорогую цену, цену шестимесячной войны с объединившимися Перевертышами. К исходу прошлого лета оборотни были отеснены в глубь пуши на расстояние двухдневного перехода, и лес уступил Девятикратным новые участки посевной земли.

С этого момента Сигурд Ярроу и Брайан Ойгла, салары Пятого уровня, перешли в прямое и непосредственное подчинение к наставнику Фарамарзу, временно переехавшему в Вайнгангу. Он должен был подготовить их к переходу на сле-

дующую ступень – должность младших наставников в школах саларов, или, как шутил Брайан, сделать из них Племянников Богов.

Правда, в истекшие месяцы на шутки просто не оставалось времени.

Сигурд втайне подозревал, что найденная Брайаном дорога сыграла в переломе их судьбы не последнюю роль. Впрочем, он и не заострял внимания на случайном обрывке дороги и неосторожных словах Фарамарза. Можно разрушить дорогу, но Путь останется... И если его Путь когда-либо пересечется с древней дорогой к рудникам Ра-Муаз – ну что ж, он пройдет по нему, сколько может...

А пока что – оружие, медитации, ночные учебные вылазки и бесконечные беседы с неменяющимся Фарамарзом. Через полгода они должны были получить книги. До того Сигурд видел книги всего два раза, и то наставник всегда прятал их.

Говорил – рано. А читать учил по специальным учебным свиткам. Еще в школе...

...В комнате Фарамарза пахло распаренной малиной, медом и шиповником. Наставник был простужен. Он надсадно кашлял, кутал ноги в клетчатое покрывало и пил чай в невообразимых количествах. Впервые Сигурд всерьез задумался о возрасте Фарамарза. Ярроу уже знал, что Сыновьями Богов могут стать лишь те, кому осталась всего одна жизнь. Вернее, лишь те из учителей...

Очень мало места на руке старого наставника, на один

браслет хватит, и все... все. Успеет ли?

Сигурд молча поклонился и сел на циновку. Наставник сидел на смятой постели и читал какое-то послание, указав Ярроу на чайник с кипятком.

Сигурд налил себе чаю, подумал, добавил меда и стал ждать.

– Письмо из Калорры, – наконец разлепил запекшиеся губы Фарамарз, не отрываясь от свитка. – Неприятности у них. Большие. И очень странные.

И вновь замолчал, топорща седые косматые брови.

Сигурд отхлебнул чая, поставил чашку рядом с собой и приготовился слушать. Он понимал, что лишь действительно серьезные новости могли взволновать Фарамарза. Но что серьезного может произойти в Калорре, если не считать, что...

Калорра умирала. Пустовала уже добрая половина города, оставшиеся горожане переселялись поближе к центру, а Вершители даже не пытались создать хоть видимость власти и порядка. Среди Девятикратных – особенно в южных и юго-восточных поселениях – возникла и распространялась полигамия. Южане, с их пылким темпераментом и землями, почти очищенными от Перевертышей, заводили целые гаремы из женщин Калорры, правда, относясь к ним с должным уважением и не делая особой разницы между женами – потомками богов и горожанками, умиравшими раз и навсегда.

Дети и от первых, и от вторых все равно одинаковы; все

они были Девятикратно живущими.

До северо-восточных поселений, вроде Вайнганги, волна полигамии еще не докатилась, но среди молодежи начали возникать подобные разговоры.

Боги ушли. Теперь уходили люди. Просто – люди.

– Плохие новости, – сказал Фарамарз. – Равновесие нарушено. Раньше все было понятно. Не скажу – хорошо, но понятно: мы и Перевертыши. Два полюса. И посередине – люди Калорры. Устойчиво и доступно. Возможно, Отцы покинули нас и удалились в Пенаты Вечных именно из-за этой устойчивости. Но теперь...

Он помахал в воздухе свернутым посланием. Закашлялся. И долго не мог успокоиться.

Сигурд терпеливо ждал.

– Наставник Гударзи пишет, – вновь заговорил Фарамарз, – что в Калорре появились некто. Он называет их – мороки. На древнем калльском наречии это значит – наваждение. Или, если быть точным, узор ночного тумана... Сами горожане называют пришельцев Бледными Господами. На том же наречии – варками... И мне не нравятся оба эти слова.

Сигурд не очень хорошо знал ранние диалекты калльских племен. Брайан значительно превосходил его в этой области. Но от слов, произнесенных Фарамарзом, веяло чем-то темным и холодным.

Узор ночного тумана... мороки... варки...

– Ерунда... – неуверенно протянул он, машинально берясь за рукоять меча. – Добрый клинок всегда прикроет Скользящего в сумерках...

– Клинок – вещь хорошая, – задумчиво произнес Фарамарз. – Только это уже не сумерки. По-моему, это уже ночь...

– А рассвет? – тихо спросил Сигурд, мало что понимая в происходящем и не ожидая ничего хорошего от грядущего понимания.

– Где-то должен быть и рассвет. Потом...

4

...Прежде чем углубиться в скалы, он распаковал выюк, извлек из него тисовую палку с двойным изгибом, длиной примерно с меч, и скрученную из тонких жил тетиву. Потом взял нож и принялся за изготовление лука.

Зу глядел на все это с крайним неодобрением. Он вообще отрицательно относился к любому метательному оружию из каких-то своих змеиных соображений, считая швыряние предметов на большие расстояния занятием глупым и расточительным. С некоторым уважением удав воспринимал лишь полет кривой складной кейфы – маленького бумеранга, басовито гудевшего в воздухе. Звуки такого тона Зу слышал прекрасно, и кейфы вызывали в нем тайную симпатию. Но через полчаса он уполз за пропитанием, а когда вер-

нулся, волоча трех зверьков, похожих на тушканчиков, – лук был готов, и Сигурд ставил оперение на восемь бамбуковых стрел. Перья можно было добыть без труда, а наконечники носил с собой любой салар.

Ярроу, как правило, носил и перья, потому что предпочитал тройное оперение, и не всякое перо вело стрелу так, как надо.

Обложив углубление в камне мелкими обломками, Сигурд запек тушки грызунов, стараясь, чтобы дым стелился в сторону реки, и плотно поужинал. Зу к предложенному мясу остался равнодушен, и становилось ясно, что не один зверек заполнил собой объемистое брюхо удава. Ну, не объемистое – длинное, если это что-то меняет...

Для Зу это не меняло ничего. Но снять наголовник он не дал, хотя и не любил зря таскать лишние тяжести. Ловчий удав, ловчий, битый...

Сигурд завалил импровизированный мангал, собрал вьюк, нацепил поверх него лук и стрелы в кожаном колчане и долго смотрел через реку на глыбы, отмечавшие могилу Тварьца Эхиона.

Он не знал, что двигало им при этом поступке. Рыть могилу оборотню, да еще мечом – подарком Фарамарза... Чем же были они похожи: наставник Скользящих в сумерках, Сын Богов, Девятикратный Фарамарз, и патриарх Перевертышей, Тварец Эхион, пожелавший умереть человеком?..

Впервые Сигурд подумал, что он сам и человек-вепрь Ли-

дон тоже похожи. Но он и Оркнейя... Или он и высокий хищник в желтой повязке на узких бедрах...

Собственно, он – Сигурд Ярроу – тоже хищник.

– Ты знаешь, Зу, – прошептал Скользящий в сумерках, – мы с тобой разные... Ну и что? Наверное, не в этом дело...

И снова ему показалось, что удав следит за его губами.

Сигурд вздрогнул, поправил выюк и двинулся в горы. По дороге богов к Пенатам Вечных.

...Утром следующего дня он нашел скелет.

Выбеленные кости были полускрыты каменной осыпью, и Сигурд чуть не прошел мимо, но вовремя остановился.

Он не знал ни одного животного, способного оставить после себя такой костяк.

Умерший некогда зверь был ненамного крупнее человека, но его костная основа подходила скорее гиганту. Мощные рельефные позвонки переходили вниз в три ответвления, два из которых были, вероятно, нижними конечностями – ногами или лапами? – а третье служило хвостом. И неплохо служило, судя по виду...

Добавить что-то еще было трудно, потому что скелет казался сильно потрепанным временем...

Сигурд представил себе возможную толщину этого хвоста и задумчиво покачал головой. То же движение вызвали у него и когти, сохранившиеся на трехпалых конечностях. Серьезные были когти, внушающие уважение...

Поодаль валялся треснувший череп, напоминающий зме-

иный, но гораздо шире и объемнее. В Калорре и на юго-западе Сигурду доводилось видеть лошадей, и найденный череп также смахивал на их головы, только с совершенно иным оскалом.

Похоже, покойный монстр сему предпочитал мясо. Свежее мясо. Сигурд огляделся вокруг и шагах в тридцати обнаружил еще один скелет, на котором сохранились обрывки шкуры.

Нет, не шкуры – чешуи...

– Пошли, Зу, глянем... – недоуменно пробормотал Ярроу.

И в то же мгновение торжествующее рычание раскатилось над ущельем.

Они все-таки достали его. Шесть или семь крупных кошек поднимались снизу, их когти скрежетали на камнях, а морды просто сияли от предвкушаемого удовольствия. Чуть позади шли Оркнейя и высокий вожак. Они о чем-то переговаривались. Видимо, главарь Перевертышей не мог отказать себе в праве встретиться с саларом лицом к лицу – а не лицом к морде...

Его собратьев это не волновало. В звериных ипостасях Перевертыши были трудно уязвимы, мелкие раны быстро затягивались – и оборотни не хотели рисковать. Ну что ж, совсем не глупо...

Сигурд сбросил поклажу, ослабил защелку ножен, и стрела мягко легла на тетиву маленького лука. Браслет жизни Скользящего в сумерках стоит недешево, и придется платить

– и ему, и пумам на склонах... Зу свернулся рядом, возбужденно раскачиваясь и шипя, но смотрел он почему-то совсем в другую сторону.

Сигурд резко обернулся, солнце полыхнуло ему в глаза, и на скале у себя за спиной он увидел черный человеческий силуэт.

Стрела сама вырвалась из пальцев и впиалась в ослепительный солнечный блеск и черноту силуэта, купающегося в нем. За ней рванулась другая.

Человек на скале сделал шаг в сторону и скрылся за камнями. Потом в просвете еще раз мелькнула сутулая фигура и исчезла совсем.

Незнакомец двигался по направлению к Перевертышам. И поначалу Сигурд готов был поклясться, что на скале оказался Тварец Эхион, похороненный им самим сутки назад. Но теперь Ярроу не был уверен ни в чем. Он стоял и ждал.

Перевертыши остановились. Вожак крикнул на них, и пумы зарычали, глядя не на Сигурда, а куда-то вбок.

Они зарычали, и голос зверей расплавился и умер в ответном реве.

Никогда еще не встречал Скользящий в сумерках существа, способного на такое, и никогда не слышал подобного рева.словно взбесившаяся вечность прорвала громаду веков и эпох, выходя из тесной берлоги времени; словно раненая ночь пустыни выгнулась навстречу огню восходящего солнца; словно... Змеиное шипение стлыло в нем, и ярость

агонизирующего пардуса, и крик человека, впервые вздымающего над головой тяжелый каменный топор...

Они бежали. О небо, как же они бежали! – оскальзываясь на хрустящем крошечке, разрывая шкуру острыми гранями сланца, взвизгивая и не смея обернуться, не смея вспомнить, услышать еще раз; как щенята, забравшиеся в логово волка, как котенок, случайно наткнувшийся на сытого Зу; как бежали молодые самоуверенные салары от разъяренного наставника Фарамарза...

Человек спустился в ущелье и направился к Сигурду.

Нет, это был не Эхион... Но сходство было несомненным. Маленький, сутулый, то старик, то какого-то неопределенного возраста; в левой руке он рассеянно крутил Сигурдову стрелу. Зу шевельнулся, и на него упал строгий взгляд немигающих глаз человека.

Человека?! – но удав распустил кольца и вытянулся во всю длину, часто высовывая раздвоенный язык.

– Отец? – неуверенно спросил Сигурд. И осекся.

Человек посмотрел на Ярроу, потом – на стрелу и улыбнулся. Мягко и невесело.

– Отец... – повторил он. – Да нет, тогда скорее – дядя... Добро пожаловать в рай, племянничек...

Сигурд не знал, что такое рай.

...Огонь метался от ветки к ветке, искры, возмущенно треща, подпрыгивали на высоту человеческого роста и растворялись в равнодушии ночного мрака, сучья чернели, превращаясь в пепел, и все это называлось – костер.

Сигурд сходил к хижине, принес охапку сушняка, сунул ее в огонь... Дым стелился как положено, только сейчас это было неважно. Пенаты Вечных – если только это были они, в чем Сигурд сильно сомневался, – оказались совсем не такими, какими выглядели в легендах. Скала, прилепившаяся к краю ущелья, маленькая хижина и молчаливый хозяин с помятым котелком в руках...

Сигурд сидел у костра, отхлебывая из предложенной кружки странный зеленый чай, терпкий и горький одновременно, и салару было хорошо. Хорошо и спокойно – впервые за все время с того момента, когда он вышел на мощеную дорогу и пошел искать Отцов.

Единственное, что смущало Скользящего в сумерках, – он никак не мог сосредоточиться на внешности хозяина ущелья. Вроде бы и внешность эта ничем таким не примечательна, человек как человек, но Ярроу не мог восстановить в памяти лицо хозяина, если не смотрел на него в данную секунду. Словно глядишь с обрыва в бездонную пропасть, затянутую дымкой, и глазу не за что уцепиться, и все плывет, ме-

няется...

Хоть сам туда бросайся – растворишься, исчезнешь в пустоте, и только...

Когда Ярроу честно признался в этом, хозяин долго смеялся, но совсем не обидно, а даже наоборот – с уважением, а потом сказал, что его зовут Даймон, но Сигурд может звать его Пустотник Даймон, или просто Пустотник, или просто Даймон, или вообще как угодно, хоть Дэмми...

Сигурд про себя решил, что будет звать его по-всякому, чтоб не ошибиться; позже вскипела новая порция чая, и Сигурд неожиданно для самого себя стал рассказывать.

Он никогда не был особенно разговорчив, слова давались ему с трудом, но Пустотник Даймон слушал внимательно, не перебивал и только хмурился, совсем как наставник Фарамарз в тот последний день, когда Сигурд и Брайан тайно ушли в Калорру, а вернулся один Сигурд...

Срез памяти Смех мертвого города

Сигурду тридцать. Он и Брайан Ойгла идут по ночной Калорре, и эхо их шагов плывет по пустырям заброшенных кварталов. Они не скользят, они идут – шумно, подчеркнuto уверенно, – и Сигурд старается незаметно для Ойглы поглядывать по сторонам, потому что считает затею Брайана опасной и неумной.

Сам Брайан так не считает.

Темные слухи поползли из Калорры, темные да скользкие... Вот помер человек – своей смертью, не насильственной, – оплачут его как положено, похоронят, подымут чашу в память об умершем и разойдутся по домам. А потом видят покойничка в переулках: то говорит с кем, то идет куда, то еще что промышляет...

Бодрый такой, улыбчивый, разве что бледный, так с чего ж ему и взяться, румянцу-то?! Да все с вечера, в сумерках бродят – и свои, которых позарывали, и чужие, неизвестные, пришлые... Так вроде не трогают никого, не замечали за ними, только и их трогать – себе дороже.

Одно слово – варки. Мороки... Старики, правда, ворчат: не от смерти, мол, люди помирают... – только кто их слушает, стариков-то...

Девятикратные смеялись поначалу. Думали – завидуют горожане. Им, потомкам богов, завидуют. Их ведь тоже убивай не убивай – пока жизни имеются да на руке браслетам места хватает... Только Девятикратные со смертью ночь спят, вроде свадьбы, а утром встают, ну а городские, видать, наоборот – ночью шляются...

Сказки... Только однажды пошел в сказку, в город то бишь, салар из южного поселка – пошел и сгинул. А ему еще жить да жить, то ли три, то ли пять раз... Дальше – больше, еще один Скользящий в сумерках в ночь городскую шагнул – и ищи-свищи!.. А ведь он в младших наставниках ходил,

не зелень необученная!..

Закрыли Калорру. Собрались наставники, до хрипоты спорили, а сказать-то и нечего! – все равно никто ничего не знает. Так что порешили: продовольствие слать, долг перед людьми, один раз живущими, исполнять, а так – ходу нет!

Пока знаний не добавится. А где ж его взять, знание это?.. Оно само не ходит, ни днем, ни ночью...

Не мог Сигурд Ойглу одного отпустить, ну никак не мог, а тому хоть кол на голове теши: в город собрался! Перевертышей стало мало! Теперь на неведомых мороков ночью идти решил... Сказать бы Фарамарзу, да нельзя – не простит Брайан. Не простит...

...Они свернули за угол и тут же превратились в две бесшумные тени. Прислушались. Луна осторожно выглянула из-за полуразрушенного дома, спугнув сонного нетопыря, тот метнулся было прочь...

Сигурд разрубил летучую мышь пополам, даже не успев сообразить, что произошло, и из темноты между особняками ему почудился тихий женский смех. Он вздрогнул и посмотрел на Брайана. Тот досадливо поморщился и махнул рукой – дескать, ты налево, я направо... на углу встречаемся...

Сигурд никогда не боялся ночи. Он купался в лесной темноте, истекающей знакомыми шорохами; спокойно ходил по ночной Вайнганге, но сегодня он – Скользящий в сумерках, синяя сталь века – проклинал ту минуту, когда согласился идти с Брайаном в Калорру после заката. Здесь все было чу-

жое, здесь все было мертвое, здесь все отдавало тлением. Мертвые дома обступали салара, пляясь выбитыми глазницами окон; мертвые камни разрушенной мостовой норовили вывернуться из-под ноги, и Сигурду стоило большого труда удержать нужное состояние.

Несколько раз ему мерещился все тот же тихий смех, прозрачный, как звон льдинок, и призрачный, как вечерний туман. Потом по его лицу скользнула маленькая холодная ладонь, и он услышал легкие шаги – но вокруг по-прежнему никого не было.

Он ускорился и в два прыжка достиг угла улицы.

И увидел Брайана.

Ойгла стоял у забора, безвольно опустив руки, и к нему прижималась смутная хрупкая тень, шепчущая неразборчивые, ласковые слова. Сигурд кинулся к Брайану, выхватывая меч, но тень обернулась к нему – и он увидел лицо.

Удивленное женское лицо. Бледный, чуть удлиненный овал с распахнутой бездной черных глаз, в глубине которых игриво мерцали алые отсветы; пушистая бахрома ресниц и пепельные пряди волос, уложенных в фантастическую прическу.

Женщина. Морок. Варк. Но – женщина. И Сигурд не смог ударить.

А если бы смог?..

Смех зазвенел в чернильной тишине переулка, и лишь нечто расплывчатое, зыбкое метнулось вверх по лунному лу-

чу. А у забора лежал мертвый Брайан Ойгла, и на лице его остывало счастье. Такое счастье, что, увидев его, Сигурд побежал.

Он бежал, как не бегал никогда в жизни, плача злыми слезами, слыша смех женщины из бреда, спотыкаясь и чувствуя себя Перевертышем, по следу которого идет неумолимый Скользящий в сумерках...

...К рассвету он заставил себя вернуться в памятный переулок, но Ойглы там уже не было. Это казалось невероятным. У Брайана еще осталось несколько жизней, он должен был встать и дожидаться Сигурда или вернуться в Вайнгангу...

В Вайнганге Брайана никто не видел. Сигурд вошел в свой дом, оставил записку для наставника Фарамарза и собрал вещи. Потом вышел на улицу, свистнул голодного Зу и двинулся на восток. Туда, где лежал найденный Брайаном обрывок дороги и высились равнодушные вершины Ра-Муаз.

Сигурд Ярроу шел искать Пенаты Вечных. Он шел задавать вопросы Отцам.

Он чувствовал, что пора.

5

– Ну вот ты и дошел, – сказал Пустотник Даймон, морща свой непропорционально большой лоб. – Ты сам как считаешь: дошел или не дошел?

– Не знаю, – честно признался Сигурд. – Вначале думал, что да. Когда ты прогнал Перевертышей... А теперь не знаю. Ты совсем не похож на Отца. Во всяком случае, я представлял тебя другим. Ты скорее похож на Эхиона, Сына Большой Твари... Скажи честно, Даймон, ты – Тварец?

– Сын Большой Твари... – задумчиво протянул Даймон, и голос его был глух и полон горечи. – Я не знал, что они еще сохранились по эту сторону Ра-Муаз... Нет, Сигурд, я не Сын Большой Твари. Я – Отец. Ты был прав. Отчасти... Я и есть та самая Большая Тварь. Очень большая и очень старая. Такая старая, что помню времена, когда простые люди – а не Девятикратные и Перевертыши – звали нас богами или демонами. Звали, не делая различий. Нас, Пустотников, Меченных Зверем, и других Пустотников, и тех, иных, ваших отцов... Сами они называли себя – «бесы». Слово «бесмертные» слишком длинное. Вот они и сокращали его...

– Они? – хрипло перебил его Сигурд, начиная понимать смысл слов «бесовское отродье». – А вы? Вы не были вечными?!

– Мы – нет. Это кладбище, мальчик, все, что ты видишь вокруг, – кладбище... Сюда приходят умирать такие, как я. Если только я не последний...

Мир вывернулся наизнанку. Пенаты Вечных обратились в прах, некому было отвечать на вопросы, и скелеты древних скалились Сигурду в лицо своей страшной ухмылкой. Большая Тварь сидела перед ним и пила чай. Салар машинально

напрягся, лежащий рядом Зу тут же поднял голову и зашипел – но в следующую секунду Сигурд наткнулся на бесконечно усталый, больной взгляд Пустотника Даймона...

И вспомнил рев за скалами, черный силуэт в зените и стрелы, пойманные на лету.

Даймон протянул руку и погладил Зу по голове. И удав снова лег. Это было невероятно. Но это было. Сигурд проглотил комок, застрявший в горле, и попытался унять дрожь в пальцах. Мир вывернулся наизнанку, и надо было привыкать жить в таком – вывернутом – мире.

Где-то далеко в глубине сознания он понимал, что дело не в мире. Просто он уже начал получать ответы на вопросы.

Пустотник Даймон не мигая смотрел в огонь, и пламя костра отражалось в глубине его бесцветных глаз.

– Ты принес мне страх, мальчик, – сказал он, и Сигурд действительно ощутил себя ребенком перед сидевшим у костра существом. – Ты принес мне очень большой страх. Твое счастье, что ты не дошел до того места, которое ты называешь Пенатами Вечных. Мы не зря ушли в свое время... не зря... Вы, оставшиеся, могли создать равновесие – но только без нас. Вы – Девятикратные, и Перевертыши, и люди... Или просто: вы – люди... Кровавое, шаткое, но – равновесие. Потому что так или иначе, но вы все люди, в той или иной степени. И когда вы умираете, это тоже смерть живых, потому что рано или поздно вы умираете в последний раз. А вот то, что тебе довелось видеть в Калорре... Если бы мы знали, что

это когда-нибудь появится в вашем мире, мы бы, наверное, не ушли... А теперь поздно. Поздно... Вы уж сами...

– Что было тогда на улицах Калорры?! – холодея, почти выкрикнул Сигурд. – Кто те, кого зовут варками? Кто они?!.

– Это смерть, мальчик... Но не смерть живых. Это живая смерть. Это – та сторона мрака. Это – сумерки мира. А потом следует ночь.

– Где-то должен быть и рассвет. – Сигурд повторил чужие слова, и они неожиданно стали его собственными. – Потом...

– Кто это сказал?

– Мой наставник.

– Я бы хотел с ним познакомиться, – прошептал Пустотник Даймон. – Но... Я расскажу тебе все, салар Сигурд Ярроу. Все, что знаю. А после ты узнаешь остальное. Глядишь, и отыщется узенькая тропинка к рассвету... Но по ней ты пойдешь без меня... или со мной, но для тебя это ничего не меняет...

Даймон спустился вместе с Сигурдом в ущелье, довел салара и его удава до того места, откуда они впервые увидели Пустотника, стоящего на скале, и неожиданно заявил, что ему теперь самое время поразмыслить – а вот гостю пора спать.

Спать, как понял Ярроу, предлагалось именно здесь, неподалеку от жуткого скелета, невидимого в темноте. Сигурд не знал, почему ему нельзя лечь в хижине или хотя бы

возле нее, но спросить не осмелился. Собственно, ему не впервой было ночевать под открытым небом, тем более что реальной опасности не предвиделось; а Зу уже успел облюбовать себе уютное углубление между камнями и теперь скручивался в какой-то особенно замысловатый узел.

Когда Даймон ушел, Сигурд опустился в траву, привалившись спиной к нагревшемуся за день валуну, и закрыл глаза. Спать не хотелось. Перед уходом Пустотник как-то странно намекнул, что в этом месте иногда снятся необычные сны, но сон не шел к Скользящему в сумерках – ни необычный, ни простой. Усталость качала его на своих крутых волнах, расслабиться никак не удавалось, и неожиданно Сигурду примерещилось, что он бежит, бежит, обжигая ноги о горячий песок...

Он бежал и бежал, а вокруг молчали раскаленные пески Карх-Руфи, – и Сигурд твердо знал, что это именно пески Карх-Руфи, хотя никогда не бывал здесь, – и впереди ждали ответы на заданные вопросы, только ответы были ужасно далеко, а опасность была совсем близко, она дышала в затылок, и, взглянув вниз, Сигурд увидел четыре звериные лапы и не сразу понял, что это его лапы...

«Зу, где ты?» – хотел позвать Сигурд, но вместо этого из его горла вырвался хриплый волчий вой...

Книга I

Сказание об уходящих за ответом

*...И никто из них не вернулся назад, чтобы
рассказать оставшимся о скрытом за облаками;
и ветер занес горячим песком следы безумцев,
уходящих за ответом...
Фрасимед Мелхский*

Тень вторая

*Зверь, Человек, Бог.
Соли из Шайнхольма, Изменчивый*

1

Ветер уныло лизал барханы, оплавливая их желтыми сыпучими струйками, ветер грустно посвистывал в сухих ветвях колючника, как делал это уже многие тысячи лет, – пустыня, что с нее возьмешь... Все та же монотонная песня, те же пологие барханы – нет, не те, конечно, но такие же... И неровная цепочка волчьих следов, быстро заносимая песком. Сколько их, эфемерных следов жизни, засыпал ветер на своем однообразно бесконечном веку, от Сифских источников

до отрогов Ра-Муаз? Считаю не считай – собьешься... Да и не только следы, а зачастую и иссушенное солнцем тело со стекленеющими глазами, в завершение цепочки зыбких ямок, – ветер давно привык к этому и равнодушно скользил мимо.

Пустыня...

Но на этот раз что-то было не так. Ветер почувствовал давно забытый укол любопытства – и тут же, с удивившей его самого поспешностью, рванулся вперед, по следу, срывая верхушки с опешивших барханов, с воем проносясь между ними, стремительно нагоняя того, кто упорно шел вперед, оставляя так изумившие ветер следы...

... – Куда ты так спешишь, Арист? – Человек заслонился полой серого плаща от внезапно налетевшего и умчавшегося ветра, щуря глаза и сплевывая хрустящую на зубах слюну. – Все равно мы догоним его, никуда не денется. Да и остальных наших неплохо бы обождать, а то как бы снова не нарваться по-дурному, в спешке-то...

И он машинально потер свежий браслет потерянной жизни, седьмой по счету. Его спутник, коренастый, крепко сбитый мужчина в форменной тунике и грязно-сером плаще Скользящего в сумерках, остановился и поправил меч у пояса.

– Ветер, – отрывисто бросил он, словно с неохотой расставаясь с произносимыми словами. – Следы замечает. Упустим. Скорее бы надо...

Высокий и худощавый противник спешки что-то недо-

вольно пробурчал себе под нос и нехотя двинулся за приземистым Аристом, который уже шел по следу, даже не оглянувшись, – он и так не сомневался, что второй салар следует за ним...

...А на другом конце неровной цепочки следов, в трех-четыре тысячи шагов от людей, уходил размашистой рысью матерый волк – с большой лобастой головой, крепкими лапами и вывалившимся из пасти языком, длинным и розовым. Волк устал; он двигался все медленнее, и ветер легко поравнялся с ним – и в изумлении притих, затаившись между барханами.

Было от чего – потому что к спине зверя оказалась приторочена кожаная фляга, походная сумка внушительных размеров, из которой торчали рукояти меча и двух ножей, а также несколько мелких предметов неизвестного ветру назначения.

Вся поклажа была умело скатана, запакована и уложена – причем явно человеческими руками.

Свернув за очередной бархан, волк устало опустился на песок и некоторое время отдыхал, тяжело дыша и постепенно успокаиваясь. Потом, как-то хитро изогнувшись, он отполз назад, и все вещи остались лежать на песке перед ним.

С заметным облегчением волк закрыл глаза.

Он лежал совершенно неподвижно, казалось, прекратилось даже дыхание, и тут что-то начало неуловимо меняться в облике зверя. Очертания его тела потекли, стали зыбкими,

шерсть растворилась в туманном мареве...

С песка встал, разминая затекшие плечи и вертя головой, молодой парень лет двадцати трех, совершенно обнаженный. Глаза цвета весеннего неба, спутанная грива пепельных волос... да и вообще, возможно, излишне волосатый, но – в пределах нормы...

* * *

Солли стряхнул с себя песок и шагнул к тюку со свернутой одеждой. Он знал, что Мертвители висят на хвосте и времени на отдых почти не остается.

Одевшись, он сделал пару глотков из полупустой фляги, покатал воду на языке, ополаскивая рот, и, поморщившись, проглотил теплую безвкусную жидкость. Потом проверил, легко ли ходит меч в ножнах, вложил метательные ножи в специальные пазы своей короткой куртки и, отступив в ненадежную тень песчаного холма, стал ждать.

Он прекрасно понимал, что в волчьем облике у него нет ни единого шанса против двух натасканных Мертвителей, в одиночку выходящих на стаю; даже если не подоспеют остальные Скользящие в сумерках, как они сами себя называют...

Он встретит преследователей как человек. Только в этом случае он еще может на что-то рассчитывать. В конце концов, тех, серых, всего двое...

Почему-то Солли был уверен, что за ним идут всего два человека. Он не мог назвать причину своей уверенности и не очень-то задумывался над этим...

* * *

...Ветер, негромко подвывая, шелестел песком, и Солли не сразу понял, что шелест этот чуть-чуть изменился. Да и ветер-то уже почти стих...

Солли едва не опоздал. И если бы не многолетняя выучка, властно швырнувшая его навстречу серой фигуре, вынырнувшей из-за бархана... навстречу, а не назад, в пустыню... Салар попятился, вскидывая небольшой арбалет, но нож Солли уже ввинчивался в плотный горячий воздух.

Мертвитель споткнулся, хрипя и хватаясь за окровавленное горло, по которому полоснуло короткое отточенное лезвие, и Солли легко уклонился от стрелы, пущенной слабеющей рукой.

Кажется, этого Солли уже один раз убивал. Дня три назад, что ли...

В последний момент он каким-то шестым чувством уловил движение у себя за спиной и инстинктивно отпрянул в сторону. Тень с мечом в руке возникла точно на том месте, где только что стоял сам Солли. Потом салар посмотрел на меч, выхваченный Солли, на всю его сжавшуюся фигуру – и пренебрежительно рассмеялся.

Белая молния полыхнула вокруг запястья Девятикратного, разрубив ветер надвое, и Солли понял, что проиграл. Против этого Постоянного Изменчивый был бессилён.

Мертвитель мог не спешить. Он даже мог немного растянуть удовольствие, поиграть с жертвой в кошки-мышки – и оба они это понимали.

«Если не можешь победить в честном бою – побеждай, как можешь. Если у врага – девять жизней, а у тебя – одна, важен лишь результат. Все остальное – ловушка для глупцов».

Так любил повторять старый Морн, Сын Большой Твари, и его ученики хорошо усвоили правило мудрого Тварьца.

Солли коротко ткнул мечом перед собой. Мертвитель даже не шелохнулся, но Изменчивый одновременно с глупым выпадом выбросил вперед выпрямленную левую руку – и резко взвел ладонь на себя, пальцами вверх.

Салар машинально увернулся, ловя на лету крохотный дротик, потом он дернулся, с недоумением поглядел на свою ладонь, оцарапанную деревянной колючкой, и сполз в рыхлый песок. Лицо его приобрело багровый оттенок, он пару раз выгнулся и затих.

Солли бросил меч в ножны и отстегнул рукавный самострел. С такой игрушкой всегда существовала опасность оцарапаться самому, но у Изменчивых смола дерева йикининки – а именно ею смазывались дротики и духовые иглы – вызывала по первому разу лишь трехдневную горячку с фантазмагорическими видениями. Со второго раза возникало стой-

кое привыкание к наркотику, и Изменчивый сторал в считанные месяцы.

С Постоянными все обстояло иначе. Сразу, и никаких видений.

Солли наскоро обыскал убитых и остался доволен, обнаружив две почти полные фляги, пять лепешек и ленту сушеного мяса. Он, правда, предпочитал свежее, но Девятикратных лучше не есть – все равно впрок не пойдет.

Солли перекусил, выпил всю воду из одной фляги, вторую прицепил к своей упряжи и внимательно осмотрел оружие саларов. Меч первого ему понравился, и он взял клинок вместо своего, кстати, тоже позаимствованного подобным образом.

Все остальное, включая и свой старый меч, он аккуратно завернул в одежду, снятую с Мертвителей, отнес подальше и закопал. Он знал, что поступает жестоко, но не мог иначе.

Эти двое оживут на рассвете, но далеко ли они уйдут без воды, еды и оружия? А остальные Мертвители пока отстали... За ночь ветер занесет следы, и можно будет свернуть туда, куда он, собственно, и направлялся...

...Крупный волк вынырнул из-за бархана и резво затрусил на запад, неся на себе слегка потяжелевшую упряжь. Он шел, опустив голову к самому песку, и пустыня молчала, пропуская через себя упрямую фигурку с выюком на спине. Солли шел к Отцам.

А ветер тем временем продолжал свою всегдашнюю

неспешную работу, заносая песком следы странного одинокого волка и два обнаженных тела, заботливо укрытых широкими плащами.

Серыми плащами Скользящих в сумерках...

* * *

...Солли шел уже седьмой день. Погони за собой он не чувствовал – Мертвители безнадежно отстали. Но тем не менее он продолжал идти да и спать в волчьем облике. Так и двигаться удавалось куда быстрее, и направление не страшно было потерять, и ночью он просыпался при малейшем шорохе.

Впрочем, спал он мало и в основном – днем, найдя какую-нибудь тень, потому что к вечеру спадала жара и идти становилось легче. Тысячи и тысячи шагов отмахали неутомимые, казалось бы, лапы Солли, а вокруг по-прежнему лежала все та же пустыня, и знакомый ветер, уже переставший удивляться, лишь одобрительно похлопывал его по плечу, и хрустел на зубах песок, и все труднее становилось широким мощным лапам нести вперед исхудавшее тело...

В тот день у него кончилась вода. В очередной раз приняв человеческий облик, Солли влил в пересохшую глотку последние затхлые капли и некоторое время лежал, закрыв глаза и приходя в себя. Солнце перевалило за полдень, и это было хорошо. Ночь он еще продержится. Самое большое –

до середины завтрашнего дня.

Если к этому времени не отыщется вода – ему конец.

Солли думал о смерти спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся. Он знал, на что шел, и давно свыкся с мыслью, что его жизнь может оборваться в любую минуту. Как, впрочем, и жизнь любого Изменчивого. Мертвители тоже не боялись смерти – еще бы, с запасом в девять жизней... А вот те Постоянные, городские, которые жили один раз, – те боялись, хотя Солли и не понимал почему.

Изменчивые тоже жили один раз, но ведь они не боялись...

Боялись – не боялись... Разве в страхе дело? Смерти не скажешь – извините, уважаемая, обождите минутку, пока я успокоюсь и отбоюсь...

Но все-таки лучше найти воду. И тогда – извините, уважаемая...

...Снова трусит между барханами одинокий волк – вперед, вперед, на запад, вслед за уходящим солнцем, которое каждый вечер умирает и каждое утро возникает вновь... быть может, поэтому некоторые Девятикратные считают себя правнуками солнца?..

Он шел всю ночь. Он продолжал идти, когда позади него выполз из-за горизонта злобещий багровый край равнодушного светила. Солнце медленно поднималось по небосклону, раскаляя гигантскую песчаную сковородку, а по зыбким буграм этой сковородки все тащился упрямый глупый волк,

уткнув морду в песок и уже ничего, кроме этого песка, не видя.

Потом он упал.

Срез памяти

Изменчивые и постоянные

...Огненные круги плыли перед глазами, и память уносила его вдаль, покачивая его на своих призрачных волнах, в даль ушедшего детства, под сумрачный полог родного Шайнхольмского леса, прочь от нестерпимой, иссушающей жары, в тенистые глубины, откуда он шел, бежал, полз, веря...

Ребенок отнюдь не считал себя существом двойственным. И волчий, и человеческий облик были для него одинаково естественны, порой он даже не замечал перехода и воспринимал свое существование как должное и единственно возможное. Когда ему хотелось побыстрее добраться до отдаленной поляны, он, не задумываясь, становился волчонком и несся через весь лес, легко огибая пни и колючие ветки, но за орехом или особенно спелой ягодой тянулась уже рука мальчика.

Он был один – Солли, он не делился на человека и зверя, а менял облик, как менял одежду, в зависимости от обстоятельств.

Его сверстник и приятель Ролло был пардусом, хромой мельник Корм – вепрем, в небольшом чистеньком домике на

краю селения жили две гибких черноглазых сестры-косули, да и клан волков, к которому принадлежали родители Солли, был отнюдь не малочисленным. Правда, мать Солли предпочитала оставаться почти все время человеком, зато отец – злой и веселый Лорквоу – неделями мог пропадать в чаще, возвращаясь с обильной добычей и шальными огоньками в глазах.

Солли замечал, что мать в таких случаях становилась скованной, нервной, с трудом удерживая внутри себя волчицу, и мальчик недоумевал – почему?! Но мать не отвечала и лишь спешила унести мясо в дом... Потом жаркое шипело и постреливало соком, распространяя завораживающий аромат – аромат не мяса – плоти, крови, но запах еды, и мать постепенно успокаивалась, расслаблялась, а отец – уже человек – сидел у огня, довольно щурясь в предвкушении ужина...

И лишь однажды, когда отец отсутствовал почти месяц и Солли с матерью перебивались овощами и пресными лепешками, увидя волка Лорквоу, вернувшегося и с радостным ворчаньем тащившего за собой убитую лань, мать не выдержала.

Они втроем упоенно рвали клыками мясо, давясь, захлебываясь свежей кровью, не в состоянии насытиться, и это было здорово... Только вот потом мама молчала почти до вечера...

Почему, мама?!

Очень скоро Солли узнал почему. Вечером к ним пришел

Морн, Сын Большой Твари. Слово его было в деревне законом, и Солли всегда видел Морна лишь в человеческом обличье. Солли даже не знал, кто он – Морн...

Обиженного Солли прогнали в лес – погулять, а Морн о чем-то долго беседовал с отцом и с матерью, и Солли не решился вернуться и подслушать...

На следующее утро родители отправили его на другой конец деревни, к старому Морну. Так началась его учеба. Так он впервые узнал о контроле над изменениями. И о том, что он – Изменчивый.

От Морна Солли впервые услышал и о существовании Постоянных. Он не сразу сумел представить себе людей, запертых в одном-единственном облике, но Морну нельзя было не верить – и Солли поверил. В конце концов, многие звери тоже не могли превращаться в людей, так отчего бы не быть и подобным людям?!

Постоянные ненавидели Изменчивых. Ограниченные своей единственной телесной оболочкой, они боялись Изменчивых, а возможно, и завидовали им; мало кто из них был способен отличить Изменчивого от зверя или человека, в зависимости от принятого облика, но меняться в присутствии Постоянных было равносильно самоубийству.

Постоянные наступали на лес, выкорчевывая деревья, истребляя животных и самих Изменчивых, не делая между первыми и вторыми особой разницы; а главное – их было больше.

Гораздо больше.

Лес, скрывающий Изменчивых, простирался далеко на север и на восток, но южнее, через день пути для человека, он начинал редеть, переходя в буйное разнотравье степи, а степь в свою очередь сменялась солончаками и бесплодной пустыней. Именно на узкой полоске между лесом и пустыней и селились Постоянные.

Они распахивали и засевали степь, разводили коров и свиней, а Изменчивые так и не сумели понять, зачем нужно перекапывать столько земли и почему нельзя охотиться на жирных и неповоротливых свиней или тех же коз... Зверь не может быть чей-то, он – зверь, даже если он свинья, а если ты убил его, то это добыча, причем твоя добыча!..

Постоянные так не считали. И в результате частенько сами становились добычей. Тогда Постоянные окончательно отказались от различия между зверями и Изменчивыми, и в их поселках появились Мертвители – холодные, беспощадные убийцы, воспитанные в ненависти к лесным жителям...

Они звали себя – салары. Скользящие в сумерках. А Изменчивых они звали Перевертышами. И лес дрогнул. Дрогнул и отступил... Потому что Изменчивые жили один раз, а Мертвители и Постоянные – девять, отчего они считали себя потомками богов.

Правда, не все Постоянные жили девятикратно: далеко на юго-западе, в четырех днях пути, лежал Согд – город людей, умирающих навсегда. Сам Согд не очень-то интересовал Из-

менчивых, но иногда старый Морн брал с собой двух-трех учеников постарше и шел в город на Охоту, проскользнув в темноте мимо кордонов Мертвителей.

В Согде они меняли шкуры и дикий мед на оружие и инструменты. Морн тщательно подбирал себе спутников, но один раз их учуяли собаки Мертвителей, испортив всю Охоту; потом молодой волк Горхат, несмотря на запрет Тварьца, перебрал хмельного и потерял контроль в какой-то таверне...

Его разорвали на части, а от того, что двое Постоянных легли рядом с волком, матери Горхата не стало легче...

Так что каждое утро два десятка подростков собирались у дома Сына Большой Твари – учиться. Учиться выживать. И убивать.

Убивать за себя и за зверя. Впрочем, сам Морн всегда оставался человеком – и Солли с приятелями оставалось только гадать, что за Зверь скрывался в Сыне Большой Твари.

И лишь потом, через много лет, Солли понял, что среди Мертвителей были куда лучшие учителя, чем Морн. Учителя меча – но Тварец учил молодых Изменчивых не только мечу и когтю.

Он учил, а они...

Они уже умели по запаху различать Постоянных и Изменчивых, могли без усталости по нескольку дней гнать добычу, настигая ее в конце концов стремительным броском; многие

овладевали разными ремеслами, чему очень радовались родители... Они учились готовить из трав целебные мази, а не жевать инстинктивно найденный лист, определять направление по звездам, не всегда полагаясь на звериное чутье, они...

Многое передавал им старый Морн – но молодые оборотни охотнее хватались за деревянные, а позже – стальные мечи, с жаром рубились, часами готовы были стрелять из лука, бросать ножи, а вот долгие рассказы Тварьца о травах, звездах, обычаях Постоянных или беседы о давно ушедших временах зачастую пролетали мимо юных горячих голов.

Впрочем, не всех...

Однажды торжествующий Солли примчался к Морну и с гордостью сообщил, что если к мази от ожога добавить толченую кору Красного дерева, то новая кожа нарастает значительно быстрее. Он захлебывался радостью открытия – и впервые увидел, как расплывается в улыбке лицо Сына Большой Твари, веселые лучики собираются у помолодевших глаз...

Никогда не улыбались глаза Морна во время уроков боя, а тут...

Целый день Солли носился с мазью, вспоминая улыбку старика, а завтра утром...

– Мертвители!..

Солли часто видел потом в ночных кошмарах то утро, когда в деревню влетел мчавшийся из последних сил пардус Ролло. Его раны затягивались на глазах – в зверином обли-

ке лишь тяжелые ранения угрожали жизни, чего нельзя было сказать об облике человеческом, – но Ролло не мог дожидаться и уже стоял на двух ногах, обливаясь кровью.

– Облава! – прохрипел он. – Скорее...

И упал, но упал на четыре лапы с выпущенными когтями.

Не раздумывая, Солли рванулся к своему дому – волком.

Отец. Мать. Оружие.

Он не успел. Мертвители ворвались в деревню с трех концов, и крайние дома уже горели, а люди в серых плащах перекрывали улицы. Увернувшись от удара мечом, Солли вьюном проскочил между ногами салара, цапнув того за щиколотку, и скрылся за углом.

У их дома кипел бой. Отец и мать рычали и метались в кольце врагов, и шерсть их слиплась от крови. Солли прыгнул сзади на Мертвителя, замахнувшегося на мать, и не разжал сомкнутые на чужом горле клыки, даже когда острая боль пронзила его бок.

Потом он кинулся в дом.

Солли плохо помнил, что было дальше. Горела деревня, он оглох от криков и лязга оружия; они с матерью и бешеным Лорквою стояли посреди улицы – два волка и человек, – и Солли бросал свои ножи в накатывающуюся волну Постоянных, но ножи кончились, и остался меч, и кровавый вихрь захлестнул его. Отец рухнул с разрубленной головой, так и не выпустив корчащегося салара; рядом то ли взвизгнула, то ли всхлипнула мать, когда зазубренный клинок отсек ей пе-

реднюю лапу; Солли подхватил мать на руки и побежал, чувствуя, что надолго его не хватит, что это конец, а потом наступила тишина, и он остановился.

Перед ним стоял Морн.

– Уходи, – коротко приказал Морн, и Солли заковылял дальше, спотыкаясь и не падая только потому, что на руках у него была мать, видя вокруг себя отступающих к лесу Изменчивых...

Последнее, что он запомнил, – пустая улица, багровый дым и шеренга Мертвителей, медленно надвигающаяся на одинокую сутулую фигуру Морна...

...Когда они вернулись, Морн все так же стоял посреди улицы, скрестив руки на груди, и в глазах его затухали, подергиваясь пеплом, страшные жгучие угольки...

Постоянных не было. Они ушли, поспешно забрав убитых и раненых. И никто из Изменчивых так и не узнал, что увидели Мертвители на опустевшей улице, когда на пути у них встал Морн, Сын Большой Твари.

Они не посмели напасть на него.

Потомки богов – не посмели...

2

...Водоворот воспоминаний все быстрее вращался перед глазами слабеющего волка: звериные морды, искаженные лица, звон клинков, горящая деревня, дым, кровь, отчаяние и

ужас, внезапно вспыхнувшая надежда... лицо той Постоянной, которая была запретна для него, но которая... выжженное солнцем блекло-голубое небо, снежные шапки на вершинах гор...

...Горы! Волк открыл глаза, снова зажмурился, встряхнул тяжелой головой, словно отгоняя наваждение, – и вновь увидел горы. Это был не сон, не бред, не эфемерная иллюзия памяти – перед ним высились выбеленные снегом вершины.

Горы Ра-Муаз.

Он все-таки дошел.

* * *

Солли не помнил, как он дотащился до первых отрогов, каким образом набрел на веселое журчание ручья – он пришел в себя, стоя над ручьем и шумно, с жадностью лакая упоительно прохладную воду. По всей видимости, делал он это уже довольно долго, потому что брюхо было совершенно переполнено, и Солли почувствовал, что выпил воды больше, чем мог, но меньше, чем хотел.

С сожалением перестав лакать, он погрузил в ручей морду, потом отошел в сторонку, сбросил с себя поклажу и, найдя заросшее мхом углубление в тени большого валуна, мгновенно уснул.

Снов он не видел.

Проснулся Солли уже утром следующего дня. Он давно не менял облик, а выпускать зверя на чрезмерно долгий срок не рекомендовалось. Так что теперь к ручью подошел человек. Вдоволь напившись, он решил было облачиться в свою походную одежду, но раздумал и, голый и мокрый от пота, стал карабкаться вверх по склону. Где-то здесь, согласно легендам, и должны были обитать Отцы, к которым шел Солли. Но сейчас его больше интересовали не Отцы, а какая-нибудь мало-мальски съедобная живность – голод, заснувший вместе с ним, теперь проснулся и настойчиво требовал утоления...

Оленя он заприметил издалека и, уже в волчьем обличе, стал осторожно подкрадываться к нему. Сейчас Солли доставляло истинное удовольствие скользить между скал, неслышно раздвигая влажную от росы траву и вспоминая недавнее пекло пустыни. Да, неплохое местечко подобрали себе Отцы... губа не дура...

Бросок Солли был стремителен и точен, но за мгновение до того олень учуял грозящую опасность, и зубы волка клацнули всего в каком-то локте от вожаемой добычи!

Солли извернулся в воздухе и рванул по склону за удирающим оленем; оторваться жертве не удалось, но и расстояние между ними не спешило сокращаться. Олень обогнул

огромный замшелый валун, Солли метнулся наперерез – и тут другая серая тень прыгнула на спину обезумевшего животного. Секундой позже Солли вцепился в горло своей – своей! – добыче, олень с хрипом повалился на бок, брыкаясь и мотая головой в тщетных попытках стряхнуть с себя безжалостных палачей, – и вскоре все было кончено.

Когда олень затих и Солли наконец разжал челюсти, он увидел четырех волков, окруживших его и пристально разглядывавших чужака. Нет, пятерых – пятая, поджарая молодая волчица, стояла чуть поодаль, делая вид, что все происходящее ее совершенно не интересует, но тем не менее с любопытством наблюдая за развитием событий.

Ситуация не вызывала сомнений. Эта четверка с увлечением выясняла между собой, кому же достанется самка, и тут, в самый неподходящий момент, на поляну вламывается он, Солли, в погоне за своим завтраком!

Сам Солли с трудом подавил в себе волка, уже учуявшего возбуждающий запах течки и готового вступить в драку за право обладать самкой. Волчица, конечно, хороша, вполне аппетитная волчица, но не за самками же тащился он через всю проклятую пустыню!

Правда, отступить и оставить местным волкам задранного оленя он тоже не собирался – и вот обнаженный мужчина поднимается с земли под изумленными взглядами пяти пар волчьих глаз.

Обычно это действовало безотказно – но сейчас поче-

му-то не сработало. То ли здешние волки никогда не встречали Изменчивых и не боялись их, то ли азарт брачной поры заглушил в них прочие чувства – но вся четверка немедленно бросилась в атаку. Тут уж не до любви...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.